

ДИСКУРСЫ И ТИПЫ БУДУЩЕГО

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

В статье обсуждается актуальная в наше время тема – понимание будущего. Автор предлагает охарактеризовать сущность будущего, опираясь на анализ его дискурсов и типов. В дискурсе будущего он различает: **событийное время**, содержащее прошлое, настоящее, будущее, реконструкцию будущего, созданную на основе реконструкций прошлого и настоящего, формирование действий в настоящем с опорой на реконструкцию будущего, наконец, практику, нацеленную на осуществление будущего как замысла или проекта. Событийное время сравнивается с физическим и астрономическим. Соответственно противопоставляется постмодернистское понимание будущего, которое множественно, рукотворно, конструктивно и схематично, натуралистически понимаемому будущему как своеобразному объективно существующему во времени острову (темпоральной реальности), расположенному после островов настоящего и прошлого, при этом существенны и «темпоральная стрела», на острие которой располагается будущее, и совпадение будущего с бытием человека. На основе анализа нескольких кейсов и общих соображений вводится следующая классификация типов дискурса будущего. Характерное для современности «неопределенное будущее» («будущее как вещь в себе»). «Объективно-субъективное будущее», вариантами которого являются, с одной стороны, религиозные представления о будущем, с другой – рациональные, в том числе естественнонаучные, концепции, допускающие участие человека в построении будущего (т. е. два варианта: «объективно-субъективное сакральное будущее» и «объективно-субъективное рациональное будущее»). «Локальное технологическое будущее» (вводится на примере анализа атомных проектов США и СССР). Современная проблема будущего формулируется так. В рамках дискурса будущего мы хотим или угадать (спрогнозировать) будущее, или его построить, причем одинаковое для всех. Но и то и другое в настоящее время невозможно. Живя во времени перехода, когда одна социальная реальность охвачена кризисом и, вероятно, уходит, а другая, грядущая, еще не опознана и не сложилась, невозможно понять, с каким будущим человек столкнется и будет иметь дело. Реализуя множество разных замыслов и проектов будущего и, что не менее существенно, действуя стихийно вне всяких замыслов будущего, человек не может построить единое для всех будущее. Вероятно, нужно примириться с тем, что контролируемых будущих много и все они локальные. Каким-то образом они участвуют в формировании общего для всех будущего, но как, мы не знаем и пока (а может быть и вообще) знать не можем. Лучше исходить из того, что любые, даже неадекватные и деструктивные, замыслы и проекты будущего участвуют в становлении и протекании социальных процессов, поэтому важно их анализировать, чтобы понять их действие и место в общей структуре жизни и социальности.

Ключевые слова: дискурс, тип, будущее, прошлое, настоящее, время, событие, практика, замысел, проект, реализация

DISCOURSES AND TYPES OF THE FUTURE

Vadim Rozin – DSc in Philosophy, professor, head research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: rozinvm@gmail.com

The article discusses the problems of the understanding of the future. The author suggests to consider this problem in accordance with the analysis of its discourse and types. He distinguishes the following kinds of temporal discourse: event time; contains the past; present; future; future reconstruction created on the basis of reconstructions of past and present; present actions in accordance with the images of future, finally, practices aimed at the implementation of the future as the plan or project. Based on the analysis of several cases and general considerations the author introduces his classification of the types of the future discourse. Firstly, it is “uncertain future” (“future as a thing in itself”) as the most relevant type for modernity. Secondly, it is “objectively subjective future” that could be considered both as religious vision of the future and as the rational concept allowing a person to participate in the future constructing. Thirdly, it is “local technological future” that is considered on the example of the analysis of the US and the USSR nuclear project. The current understanding of the future is analysed as an attempt to predict and to build the same future for everybody. The author argues that this attempt doesn’t seem to be feasible. Implementing different ideas and projects of the future and acting spontaneously without any particular image of the future, one cannot create the same future for everyone. Probably, it is necessary to accept the fact that there’re a number of images of the future and each of them is narrow. Somehow, they all are involved in the formation of the future, although we do not know how exactly. It is better to assume that any of them, even inadequate and destructive are involved in the formation and flow of social processes. That’s why it is so important to analyze them in order to understand their action and place in the structure of life.

Keywords: discourse, style, future, past, present, time, event, practice, plan, project implementation

Дискурсивный подход к анализу будущего

Поясню сначала, почему будущее стоит рассматривать как дискур, а также совокупность типов. Кризис современности, ощущаемый в настоящее время многими, влечет за собой повышенный интерес к будущему. То там, то здесь, на разных семинарах и в печати, можно услышать или прочитать доклады или статьи о будущем. Интерес к будущему (попытки понять, что это такое, и как нам приблизить «желаемое будущее») – вовсе не праздный, за ним стоят проблема выбора и действия в настоящем. Знание будущего – **ключ к настоящему**. Впрочем, не единственный, другая отмычка – знание истории. Например, в религиозном залоге знание «конца мира» выступало условием как желаемого будущего (преображения и рождения нового мира), так и действий в настоящем. Если, пишет В. Зеньковский, «в Ветхом Завете было дано обещание спасения, то Новый Завет открывается пропо-

ведью: “Покайтесь, ибо приблизилось Царство Божие”... Тем самым уже обозначился конец истории – и не раз бывало в истории христианских народов, что они переживали остро и взволнованно близость конца истории, “парусии” – второго пришествия Спасителя. Сознание близости конца истории в позднейшем иудействе привело к появлению многочисленных апокалипсов, а Новый Завет ответил на это Откровением ап. Иоанна. Как ни загадочны мнения части той картины, которые мы находим здесь, но основной мотив – “нового неба и новой земли”, преобразования бытия (“Се творю все новое”) доминирует над всем... Известно, что, например, в конце XV в. у нас в России с такой уверенностью ждали конца истории, что уже не составляли пасхалии на XVI в. В целом ряде эсхатологических движений в XIX в. (среди протестантов) мы находим попытки вычислить точно день, когда будет второе пришествие Спасителя» [Зеньковский, 2010].

Кажется, все понятно: охарактеризуем прошлое и будущее, и будем знать, что делать в настоящем, как правильно жить. Но не тут-то было, решение этой задачи наталкивается на множественность и неопределенность и прошлого и будущего, поскольку их версиям и интерпретациям нет числа, а выяснить, какие же из них правильные, невозможно. С легкой руки Фукуямы пишут о конце истории, впору говорить и о «конце будущего» [Fukuyama, 1992]. Но это так, метафора, а вот что здесь можно помыслить рационально?

Обратим сначала внимание на то, что современные представления (концепции) будущего располагаются в пространстве, полюсами которого выступают две полярные точки зрения. Первую можно назвать «натуралистической», тяготеющей к *физикалистскому* понятию времени. В соответствии с натуралистической концепцией будущее – это своеобразный объективно существующий во времени остров (темпоральная реальность), расположенный после островов настоящего и прошлого, куда рано или поздно, но обязательно, попадет человек. Здесь существенны и «темпоральная стрела», на острие которой располагается будущее, и совпадение будущего с бытием. Возможно, последнее идет от взглядов Аристотеля. «Поскольку Боги, – пишет Франсуа Жульен, анализируя происхождение понятия времени, – по крайней мере в их первоначальном виде отступают на задний план, “Время” некоторым образом замещает их в чисто объяснительном, абстрактном плане... Этот высший, абсолютизированный образ времени, как мы видим, вновь появляется у Аристотеля после того, как он определяет время физически как число движения, и я поражаюсь тому, что комментаторы не уделяют ему большего внимания... “Вот почему, – отмечает Аристотель, – мы продолжаем говорить, что время поглощает... все вещи испытывают его воздействие, оно само по себе есть причина разрушения”» [Жульен, 2005, с. 124–125]. С анализом разных случаев темпоральности можно познакомиться в работе [Ruhnau, 1997].

Вторую точку зрения можно назвать «постмодернистской». В соответствии с ней будущее – множественно и в значительной степени рукотворно, кроме того, оно скорее конструктивно и схематично, чем натурально и объективно [Kurtz, Snowden, 2003]. В этом случае уже не удивляет трактовка Франсуа Жульеном времени и будущего, с одной стороны, как конструируемых в языке, с другой – причем по-разному, в философии.

Концепция времени, показывает Франсуа Жульен, переустанавливается каждой новой философией. В одном случае время представляют по образу пространства и параллельно ему (от Аристотеля до Канта), то независимо от пространства (Августин) и в отличие от него (Бергсон); то для того, чтобы мыслить движение (Аристотель), а то для того, чтобы мыслить противоположное ему – Единое, Умопостижимое, Бога (Плотин, Августин). Кант рассуждает о времени, чтобы установить возможность априорных синтетических суждений, Гуссерль мыслит время, чтобы через единство интенции получить доступ к «интенциональности». «Время вместо того, чтобы сделаться объектом в полном смысле этого слова, являлось скорее тем, что каждый раз делает возможной новую инициативу философии, представляя ей полную свободу... Это и делает понятие времени до такой степени ключевым и в то же время – от философии к философии – способствует тому, что оно оказывается не столько обогащенным или преобразенным, сколько радикально переориентируется – или, точнее, перенастраивается» [Жульен, 2005, с. 97–98].

Нетрудно заметить, что Франсуа Жульен мыслит время и будущее как дискурс, т. е. особое языковое и логическое (мыслительное) построение, созданное с целью решения определенных проблем. Для Жульена время (в дискурсе будущего) *событийное*, а следовательно, дискретное, обусловленное *активностью и сознанием*. Этот взгляд, вероятно, восходит к взглядам св. Августина. «В тебе, душа моя, – пишет Августин в “Исповеди”, – измеряю я время <...> Только потому, что это происходит в душе, и только в ней существует три времени. Она и ждет и внимает, и помнит: то, чего она ждет, проходит через то, чему она внимает, и уходит туда, о чем она вспоминает. Кто станет отрицать, что будущего еще нет? Но в душе есть ожидание будущего. И кто станет отрицать, что прошлого уже нет? Но и до сих пор есть в душе память о прошлом. И кто станет отрицать, что настоящее лишено длительности: оно проходит мгновенно. Наше внимание, однако, длительно, и оно переводит в небытие то, что появится» [Августин, 1992, с. 173, 174, 176]. Не так в натуралистической позиции: здесь время обычно мыслится в рамках естественнонаучной онтологии, т. е. как время *физическое и астрономическое*. Зенковский отмечает, что протестанты пытались вычислить точно день, когда будет второе пришествие Спасителя. Не говорит ли это о том, что они отождествляли событийное время с астрономическим?

И ваш покорный слуга дальше будет анализировать будущее как определенный дискурс (дискурсы). Кроме этого, я буду рассматривать будущее также как особую практику, нацеленную на осуществление будущего как замысла или проекта. План дальнейшего анализа будет следующий: я рассмотрю несколько кейсов, которые позволят охарактеризовать особенности дискурса и типы будущего.

Структура дискурса

Дискурс будущего, как станет понятным из анализа кейсов, включает в себя конструкции (схемы) языка, времени и событийности, различающиеся в разных типах будущего.

Кейс первый – становление дискурса. Этот этап относится к античной культуре; один из примеров ситуации, где рождаются элементы дискурса будущего, можно увидеть в диалогах Платона. В «Государстве» Платон описывает перипетии душ в загробном мире. Вроде бы судьба человека полностью определяется богами, однако, выбор дальнейшей судьбы («жребия», которые предлагают боги) трактуется Платоном как обусловленный тем, как человек жил, каков его разум; зависит этот выбор и от личности умершего. «После этих слов прорицателя сразу же подошел тот, кому достался первый жребий, он взял себе жизнь могущественного тирана (выше богиня судьбы Лахесис, бросавшая в толпу душ жребии, сказала: «Добродетель не есть достояние кого-либо одного, почитая или не почитая ее, каждый приобщается к ней больше или меньше. Это – вина избирающего, бог не виновен». – В.Р.). Из-за своего неразумия и ненасытности он произвел выбор, не поразмыслив, а там таилась роковая для него участь – пожирание собственных детей и другие всевозможные беды. Когда же он потом, не торопясь, поразмыслил, он начал бить себя в грудь, горевать, что, делая свой выбор, не посчитался с предупреждением прорицателя, винил в этих бедах не себя, а судьбу, богов – все что угодно, кроме себя самого... Случайно самой последней из всех выпал жребий идти душе Одиссея. Она помнила прежние тяготы и, отбросив всякое честолюбие, долго бродила, разыскивая жизнь обыкновенного человека, далекого от дел; наконец, она насилу нашла ее, где-то валявшуюся, все ведь ею пренебрегли, но душа Одиссея, чуть ее увидела, с радостью взяла себе» [Платон, 1994, с. 417, 418-419]. Прокомментируем.

Как мы видим, уже складываются три плана дискурса: настоящее, заданное ситуацией выбора судьбы, т. е. не только пребыванием героев «здесь и сейчас», но и необходимостью действовать, совершить поступок (выбор); прошлое как припоминание («она помнила преж-

ние тяготы») и, наконец, будущее, с одной стороны, как актуальное попадание в определенную реальность в будущем времени («пожирание собственных детей и другие всевозможные беды»), с другой – как потенциальное бытие (Одиссей хочет прожить спокойную жизнь «обыкновенного человека»). Но они пока только складываются: прямо термины «настоящее», «прошлое» и «будущее» еще не фигурируют. Теперь важный вопрос: а что связывает все три намечаемые плана, почему прошлая и будущая жизнь определяют выбор в настоящем? Говоря другим языком, это вопрос о *целом*, которое только и позволяет нащупать правильные характеристики явления, например, в естествознании – закон.

Кому-то может показаться, что такое целое – время, но ведь в данном случае время событийное, а не физическое, и речь идет не о механическом движении, а о событиях. Целое для Платона – это его философско-эзотерическая концепция правильной жизни, ведущая к спасению и блаженству, позволяющая душе припомнить мир идей и богов, приобщиться к ним [Розин, 2015]. С точки зрения этой концепции прошлая жизнь Одиссея не вела к спасению, а будущая, уверен Платон, ведет, и первый шаг на этом пути – правильный выбор судьбы. Если иметь в виду анализируемый дискурс, то Платон намечает известную нам схему, а именно, что *знание прошлого и будущего определяют действия и сознательную жизнь в настоящем*. Но в данном случае будущее полностью субъективно, и таких будущих столько, сколько личностей, осуществляющих выбор своей судьбы. Подобное субъективное и множественное будущее можно назвать «субъективно-личностным». Это первый тип. К нему, например, относятся большинство эзотерических концепций будущего [Розин, 2013, с. 27].

Кейс второй и третий – «объективно-субъективное будущее». Вариантами этого будущего являются, с одной стороны, религиозные представления о будущем, с другой – такие рациональные, в том числе естественнонаучные, концепции, которые допускают участие человека в построении будущего. То есть два варианта: «объективно-субъективное сакральное будущее» и «объективно-субъективное рациональное будущее».

Вернемся к тексту В. Зеньковского. Помимо четко оформившегося дискурса будущего, где знание прошлого (языческой, греховной жизни) и будущего (жизни в Боге) определяет праведную жизнь христианина в настоящем (он идет по пути преображения «ветхого человека» в человека «нового»), в этом дискурсе можно увидеть еще один важный момент. В религиозном мировоззрении есть два плана: трансцендентальный – мир Бога и его деяний, и обычный – мир человека с его поступками; кстати, допуская свободу воли, Бог предусмотрел и возможность человека выбрать не Его, а дьявола. Если выбор и поступки человека зависят от него самого, психолог бы сказал, об-

условлены личностью, и в этом смысле они субъективны, то замыслы и деяния Бога по отношению к человеку выглядят как действие закона, как объективная реальность. Здесь, конечно, не все так просто. На мой взгляд, верующие сидят на двух стульях, в том смысле, что понимают Бога и как сверхличность (например, Достоевский в своих дневниках писал, что Христос – недостижимый идеал личности) и как законосообразную мистическую природу. Вот пример – наставления Феофана Затворника (Георгия Говорова – 1815–1894). Для Феофана, так же как и для большинства верующих, Бог есть первая и последняя реальность – сама жизнь и ее источник. Поэтому, говорит Феофан в «письмах» к своей наставнице, Господь близ, близ и Ангел Хранитель с вами, – не мысленно, а действительно. Далее, Бог православных – это Отец, Судия, Руководитель, причем строгий, суровый, но и справедливый, это: «Бог, который все сотворил, все содержит и всем управляет», а верующие «во всем от него зависят, и Ему угождать должны», поскольку Бог «есть Судия и Мздовоздатель всякому по делам его» [Феофан, 1991; Розин, 2011, с. 172–179].

Все указанные характеристики рисуют Бога как личность и ответственное лицо – «сотворил», «содержит», «управляет», «судит», «воздает» и т. д. Но, одновременно, Бог Феофана настолько постоянен в своих действиях, что они проявляют себя в обычной жизни почти как законы природы. «Так настроившись, ждите с терпением, что наконец изречет о вас Бог. Изречет же Он стечением обстоятельств и волей родителей». «Речь эту я веду к тому, чтобы дать вам разуметь, что нечего нам ломать своей головы над тем, как воссоединиться с Богом. Сколько ни ломай, ничего не придумаешь; а скорее, если Богу угодно было установить закон и порядок его воссоединения, поспеши принять его с полною верою» [Феофан, 1991].

Бог, выступающий как «стечения обстоятельств», «воля родителей», «закон», «порядок» уже не воспринимается как личность, а, скорее, как некоторая природа. Такой ход мысли понятен у Бердяева, который утверждает, что в нашем мире правят социологические законы и необходимость, поскольку Бог оставил этот мир, ставший царством Сатаны. Но почему так говорит Феофан? Конечно, здесь можно сослаться на средневековое представление о «творящей природе». Сотворив природу, Бог не устранился из нее, его замысел, воля и энергия постоянно проявляются в каждом акте природной и человеческой жизни.

Короче, Бог Феофана не только личность, но также природа, проявляющая себя в законах, в стечении обстоятельств, в действии эфира и т. д. И верно, нигде в тексте Феофан не упоминает о поступках Бога, выходящих за пределы порядка и закона, им самим установленных. С одной стороны, мы ощущаем, что Бог – это живая личность, которая в любой момент может прийти нам на помощь и даже

совершить чудо, если только мы сами работаем и ищем спасения, с другой – Бог, по Феофану, выступает как закон, порядок, необходимость, как особая природа.

Но если Бог понимается как природа и закон, то человек может осуществлять выбор (строить будущее) только в пределах этой объективной реальности. Как пишет Феофан, «сколько ни ломай головы, ничего не придумаешь; а скорее, если Богу угодно было установить закон и порядок его воссоединения, поспеши принять его с полной верою». Вот почему этот тип будущего я называю «объективно-субъективным сакральным».

Но понятно, что в рамках рационального мышления роль Бога как порядка и закона принимает на себя *первая природа*, которая уже не колеблется и не впадает в субъективность. Соответственно, будущее устанавливается совместно законами природы и человеком, который должен действовать так, чтобы не противоречить этим законам. Характер человеческих действий в зависимости от особенностей будущего различен: от простого страха перед неизбежным (например, что можно сделать, если на землю упадет огромный астероид, Луна или погаснет Солнце – готовиться к смерти?) до вполне осмысленных усилий. Интересно, что К. Маркс мыслил именно в рамках этой картины «объективно-субъективно рационального будущего».

Говоря в «Тезисах о Фейербахе», что философы лишь различным образом интерпретировали мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его, Маркс, отчасти, идет вслед и дальше за Платоном, который считал, что социальную реальность нужно построить по образцу мира идей. Маркс уточняет: не мира идей, а следуя *историческим законам* («Я, – поясняет он в предисловии к первому тому “Капитала”, – смотрю на развитие экономической общественной формации как на *естественноисторический процесс*») [Маркс, 1978, с. 10]. Заключает «Капитал» Марк как раз формулированием общего закона смены капиталистического производства и общества. «Теперь экспроприации, – пишет он, – подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой *имманентных законов* самого капиталистического производства, путем централизации капиталов... Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [Маркс, 1978, с. 772, 773]. Здесь экспроприация и революция намечаются Марксом, с одной стороны, исходя из закона смены общественной формации (он задает будущее), с другой – задачи установления справедливой жизни, когда капиталист не будет красть прибавочный продукт у рабочих (Комментируя социалистиче-

ский памфлет 1821 года, Маркс спрашивает: «Почему же рабочий не должен получать абсолютно весь продукт своего труда? – и дальше пишет, – так как эти материалы находятся в обладании других лиц, интересы которых противоположны интересам рабочего и согласие которых является предпосылкой его деятельности – то не зависит ли и не должно ли зависеть от милости этих капиталистов, какую долю плодов его собственного труда они пожелают дать ему в вознаграждение за этот труд... по отношению к величине удержанного продукта, называется ли это налогами, прибылью или кражей» [Маркс, 1935, с. XII–XVI]).

Что в дискурсе Маркса является прошлым? Думаю, капиталистическое общество, понимаемое как социальный организм, не выдерживающий борьбу за существование по Дарвину. А социализм – это более приспособленный и совершенный социальный организм, приходящий на смену капитализму. Для настоящего же, по Марксу, характерна, во-первых, кража прибавочной стоимости, т. е. социальная несправедливость, во-вторых, объективный кризис заканчивающего свою жизнь капитализма и созревание условий для социализма, в-третьих, предполагает Маркс как социальный инженер, в настоящее входит возможность, инициировав революцию, помочь объективным историческим процессам. История и современная наука показали: истолкование Марксом будущего было достаточно субъективным и в целом не подтвердилось. Он много чего не учел и на многое закрыл глаза. Например, что особенности рынка не позволяют говорить о социальной несправедливости. «Мы видим, – пишет сам Маркс в “Капитале”, – что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а следовательно и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара (труда рабочего. – *В.Р.*) обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, *право противопоставляется праву*, причем они в *равной мере санкционируются законом товарооборота*. При столкновении двух равных прав решает сила» [Маркс, 1978, с. 246]. Кажется, нужно признать, что твое исходное основоположение о краже и социальной несправедливости было ошибочным. Но нет, Маркс сделал вид, что не заметил контрпример, который сам же себе предъявил.

Для нашей проблематики более важно другое: анализ этого кейса (впрочем, так же как и других) показывает, что в дискурсе будущего *знание* прошлого, настоящего и будущего – это не объективная карти-

на того, что есть на самом деле, а *интерпретация (реконструкция)*, построенная в рамках определенного целого. Так христианский сценарий мирового бытия (творение Богом мира и человека, движение человека к Богу, преображение и конец света, жизнь в Боге) – именно сценарий, реконструкция, исходящие из христианской веры (здесь целое – это вера, где главные персонажи – Бог и человек). А, например, для космологического сценария «горячей вселенной» или «Большого взрыва» в качестве целого выступает природа с ее законами. Правда, совершенно непонятны начальные условия действия этих законов [Kurzweil, 2006]. Действительно, двигаясь назад к началу разбегания галактик, мы приходим в нулевую точку, где многие физические параметры (масса вещества, радиусы частиц и прочее) приобретают бесконечные или нулевые значения, теряя тем самым физический смысл (феномен сингулярности). Возникает и такой принципиальный вопрос, что было «до» сингулярности. Ряд исследователей «осторожно высказывались в том смысле, что на этот вопрос в настоящее время нет разумного физического ответа» [Казютинский, 1999, с. 34]. Итак, в дискурсе будущего кванторы «прошлое», «настоящее», «будущее» – это реконструкции (версии), созданные в рамках определенного целого. А как известно, и реконструкций одного и того же и различных целых может быть много. Следовательно, прошлое, настоящее и будущие – множественны и отчасти рукотворны.

Локальное технологическое и неопределенное будущее

Именно с этими типами связаны процессы глобализации и ощущаемый почти всеми глубокий кризис техногенной цивилизации.

Кейс четвертый – «локальное технологическое будущее». Его примером выступают атомные проекты США и СССР. Уже до Второй мировой войны стало понятно, что на основе деления урана можно создать сверхмощное оружие. Дальше правительства обеих стран рассуждали примерно так. История показывает, что страны, опережающие других в научном и техническом развитии, создают более совершенное оружие и побеждают. Наша цель победить. Следовательно, если мы сосредоточим свои усилия на развитии науки и промышленности (для СССР эта задача была на порядок более сложной, чем для США), на разработках атомного оружия, то сможем первыми (или вторыми) создать это оружие и победить. Другими словами, на основе реконструкции прошлого конструировалось и проектировалось будущее. Дальше оба правительства предпринимают сверхусилия для реализации этого замысла и разработанного на его основании проекта.

При этом, действительно, пришлось развивать исследования, создавать новые отрасли промышленности, не раз уточнять сам проект. Но в результате обоим странам удалось реализовать исходный замысел и будущее, которое только замышлялось и сценировалось, наступило как настоящее. Можно указать на три особенности этого дискурса. Во-первых, в данном случае будущее сознательно строится. Во-вторых, это строительство основывается на технологических достижениях (речь в данном случае идет о «технологии в широком понимании» и больших техносociальных проектах). В-третьих, реализованное будущее понимается как локальное, т. е. это будущее характерно не для всех сторон жизни общества, а лишь некоторых; другое дело, что созданное локальное будущее часто начинает определять и другие стороны жизни.

Поясню, что я понимаю под технологией в широком понимании. К таким технологиям относятся создание СOИ, АЭС, ЭВМ последних поколений, мобильной связи и др. При проектировании и разработке подобных систем собственно инженерное мышление, предполагающее изучение природных процессов, расчеты конструкции и прочее, образует важный, но не единственный тип работы. Не менее, а может быть, даже более существенными выступают другие моменты: выяснение условий, обеспечивающих эти процедуры – создание ресурсов, принятие определенных решений, организация сложной деятельности, управление и т. д. – и их воплощение в жизнь. Оказывается, что лежащие в основании подобных проектов инженерные разработки не могут быть осуществлены без создания специальных условий, разворачивания других видов деятельности, в том числе слоя организации, управления и часто даже политики. В результате основная работа смещается на эти области, а инженерные решения становятся лишь одним из ее планов. Здесь нет, как в случае с инженерным мышлением, выделенного инженером природного процесса (процессов), обещающего практический эффект. И основное решение состоит не в том, чтобы создать конструкцию, обеспечивающую запуск и управление этим природным процессом, а в соорганизации и органическом соединении многих видов деятельности и практик – научных исследований, инженерных разработок, проектирования сложных систем и подсистем, организации ресурсов разного рода, политических действий и прочее. В свою очередь, чтобы соорганизовать на единой функциональной основе все эти разнообразные виды деятельности и практики, необходимы дополнительные исследования, инженерные и технологические разработки, дополнительные проекты и ресурсы, и так до тех пор, пока не будет создана задуманная система.

Решение подобных задач под силу не всем странам, причем окончательное решение начать осуществление больших технологических проектов, в свою очередь, зависит от многих социальных и

культурных факторов (общественного мнения, пропаганды в СМИ, решения парламентов, проектов правительства, заинтересованности производящих фирм и профессиональных союзов и прочее). Другими словами, технологический способ создания технических сооружений (систем), представляет собой проектируемую и управляемую организацию многих видов деятельности и практик, принципиально, зависит от социокультурных факторов. Можно сказать и по-другому: технология в широком понимании может быть истолкована как реализация одновременно технического и социального проектов. Атомный проект был, с одной стороны, социальным проектом, с другой – техническим.

«Неопределенное будущее». Собственно говоря, такой образ складывается, когда мы, как в настоящее время, не можем в силу множественности версий и оснований будущего или отсутствия необходимых знаний построить сценарий будущего [Vgobel, 2006]. Вот один конкретный пример – построение будущего на основе технологии «форсайт». Предполагается, что если можно создать экспертное сообщество, которое выработает согласованное представление о будущем, и если члены этого сообщества будут жить и действовать, под влиянием этого образа, то будущее сложится именно такое, которое отвечает этому выработанному экспертным сообществом представлению о будущем. Однако здесь несколько условий, которые практически трудно или невозможно реализовать. Например, в России практически невозможно сформировать экспертное сообщество, которое бы выработало согласованное решение о будущем. «В России, – пишут авторы антропологического проекта форсайт, – проблема экспертного сообщества по-прежнему остается нерешенной, хотя и в нашей стране проект долгосрочного прогнозирования уже развивается на протяжении 5 лет. Для российского экспертного сообщества характерно принятие решений в рамках узких групп влияния, а не в пространстве широкой коммуникативной платформы, количество устойчивых площадок, центров прогнозирования явно недостаточно. Причины этого можно найти и в ментальности российского экспертного сообщества и в низком уровне инновационной активности российских компаний, однако кажется справедливым предположить, что в России принципиально по-иному выстроены взаимоотношения между научно-технологическим, государственным и бизнес-секторами. Россия в силу своей национальной, государственной, политической экономической специфики не является столь гомогенным обществом с высоким кредитом доверия государству, как Япония, кардинально отличается от Британии, где малый бизнес не так далек от государства, как в нашей стране, и не интегрирована в масштабное единство Европейского пространства, как Германия. Инициатива государства в деле долгосрочного прогнозирования – это то, с чего начинала каждая из этих

стран, однако в дальнейшем каждая из них избрала свое направление инновационной деятельности, и логично предполагать, что российский форсайт также должен быть методологически и организационно быть адаптирован под российский контекст. В противном случае разрыв между теорией и практикой, “верхами” и “низами”, где, по сути, и реализуются рекомендации – результаты форсайта, аннулирует многолетнюю работу и финансовые инвестиции в сбор, анализ и описание возможных сценариев будущего нашей страны» [Новые идентичности человека, 2013, с. 79].

Не менее сложные проблемы встают и по поводу и других сторон этой технологии: можно ли рассчитывать, что члены экспертного сообщества будут жить и действовать в соответствии с выработанным образом будущего, не изменятся ли кардинально условия развития, что, если экспертное сообщество вообще пришло к неадекватному пониманию будущего и др. Какую бы технологию формирования будущего сегодня ни взять, как правило, она выглядит не лучше техники форсайта (см. также [Roco, Bainbridge, 2002; Bostrom, 2006; Hargreaves, 2010]).

В чем, собственно говоря, современная проблема будущего? В рамках дискурса будущего мы хотим или угадать (спрогнозировать) будущее, или его построить, причем одинаковое для всех. Но и то и другое в настоящее время невозможно. Живя во времени перехода, когда одна социальная реальность охвачена кризисом и, вероятно, уходит, а другая, грядущая, еще не опознана и не сложилась, мы не можем понять, с каким будущим человек столкнется и будет иметь дело. Реализуя множество разных замыслов и проектов будущего и, что не менее существенно, действуя стихийно вне всяких замыслов будущего, мы не можем построить единое для всех и удовлетворяющее всех будущее. Вероятно, нужно примириться с тем, что контролируемых будущих много и все они локальные. Что каким-то образом они участвуют в формировании общего для всех будущего, но как, мы не знаем и пока (а может быть, и вообще) знать не можем. Общее будущее для всех, сказал бы И. Кант, – это «вещь в себе» (еще один тип – «будущее как вещь в себе»), помыслить такое можно, но сказать, каковы его характеристики, как оно устроено, невозможно.

Лучше исходить из того, что любые, даже неадекватные и деструктивные, замыслы и проекты будущего участвуют в становлении и протекании социальных процессов, поэтому важно их анализировать, чтобы понять их действие и место в общей структуре жизни и социальности.

Список литературы

- Августин, 1992 – *Августин*. Исповедь. М.: Республика, 1992. 324с.
- Зеньковский, 2010 – *Зеньковский В.В.* Христианская философия / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010. 1072 с.
- Жульен, 2005 – *Жульен Ф.* О «времени». Элементы философии «жить». М.: Прогресс-Традиция, 2005. 280 с.
- Казютинский, 1999 – *Казютинский В.М.* Традиции и революция в современной астрономии: Дис... д-ра филос. наук. М.: ИФ РАН, 1999. 250 с.
- Маркс, 1978 – *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1978. 181 с.
- Маркс, 1935 – *Маркс К.* Капитал. Т. 2. Изд. 8-е. М.: Партиздат, 1935. 640 с.
- Новые идентичности человека, 2013 – Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт. Аналитический доклад / Под ред. С.А. Смирнова. Новосибирск: НГУЭУ, 2013. С. 216–241.
- Платон, 1994 – *Платон*. Государство // *Платон*. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
- Розин, 2015 – *Розин В.М.* «Пир» Платона: Новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. М.: ЛЕНАНД, 2015. 200 с.
- Розин, 2013 – *Розин В.М.* Три мироощущения и пути жизни. Философское осмысление религии, эзотерики и рационализма. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 324 с.
- Розин, 2011 – *Розин В.М.* Эзотерический мир. Семантика сакрального текста. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. 320 с.
- Феофан, 1991 – *Феофан Затворник* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. СПб.: Сибирская благовозница, 1991. 288 с.
- Fukuyama 1992 – *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N. Y.: Free Press, 1992. 418 p.
- Hargreaves 2010 – *Hargreaves M.B.* Evaluating system change: A planning guide. Methods Brief. Princeton. New Jersey: Mathematica Policy Research, Inc. 2010. 453 p.
- Kurtz, Snowden 2003 – *Kurtz, C.F., Snowden, D.J.* The new dynamics of strategy: Sense-making in a complex and complicated world // IBM Systems Journal. 2003. pp. 462–483.
- Kurzweil 2006 – *Kurzweil R.* The Singularity is near. N. Y.: Penguin Books, 2006. 672 p.
- Roco, Bainbridge 2002 – *Converging Technologies for Improving Human Performance*, Arlington: National Science Foundation / Ed. by Roco M., Bainbridge W. Arlington: Springer, 2002. 488 p.
- Bostrom, 2006 – *Bostrom N.* Welcome to a World of Exponential Change // Better Humans? The politics of human enhancement and life extension / Ed. by Miller P. and Wilsdon J. L.: DEMOS, 2006. P. 40–50.
- Ruhnau, 1997 – *Ruhnau E.* The deconstruction of time and the emergence of temporality // Time, Temporality, Now. Experiencing Time and Concept of Time in an Interdisciplinary Perspective / Ed. by H. Atmanspacher, E. Ruhnau. B.; Heidelberg; N. Y.: Springer, 1997. P. 35–45.
- Vrobel, 2006 – *Vrobel S.* Temporal Observer Perspectives // SCTPLS Newsletter. Vol. 14. No. 1. Society for Chaos Theory in Psychology & Life Sciences. October 2006. 14 p.

References

- Augustine. *Ispoved'* [Confessions]. Moscow: Respublika, 1992. 324 pp. (In Russian)
- Bostrom, N. "Welcome to a World of Exponential Change", in: P. Miller, J. Wilsdon (eds.) *Better Humans? The politics of human enhancement and life extension*. London: DEMOS, 2006, pp. 40–50.
- Fukuyama, F. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992. 418 pp.
- Hargreaves, M. *Evaluating system change: A planning guide. Methods Brief*. Princeton, New Jersey: Mathematica Policy Research, Inc. 2010. 453 pp.
- Julien, F. O. "vremeni". *Elementy filosofii "zhit"* [About the "time". Elements of "live" philosophy]. Moscow: Progress-Traditsia, 2005. 280 pp. (In Russian)
- Kazyutinskii, V. M. *Traditsii i revolyutsiya v sovremennoy astronomii*. (Doktorskaya dissertatsiya). [Tradition and Revolution in modern astronomy (Doctoral dissertation)]. Moscow: IF RAN, 1999. 250 pp. (In Russian)
- Kurtz, C., Snowden, D. "The new dynamics of strategy: Sense-making in a complex and complicated world", in: *IBM Systems Journal*, 2003, pp. 462–483.
- Kurzweil, R. *The Singularity is near*. New York: Penguin Books, 2006. 672 pp.
- Marx, K. *Kapital. Vol. 2*. [Das Kapital. Vol. 2]. The 8 ed. Moscow: Gospolitizdat 1935. 640 pp. (In Russian)
- Marx, K. *Kapital. Vol. 1*. [Das Kapital. Vol. 1]. Moscow: Gospolitizdat, 1978. 181 pp. (In Russian)
- Plato. *Gosudarstvo* [Republic]. Coll. Op. 4 v. Vol. 3. Moscow: Mysl', 1994. 654 pp. (In Russian)
- Roco, M., Bainbridge W. *Converging Technologies for Improving Human Performance*, Arlington: National Science Foundation/Department of Commerce. Arlington: Springer, 2002. 488 pp.
- Rozin, V. M. "Pir" Platona: Novaya rekonstruktsiya i nekotorye reministsentsii v filosofii i kul'ture [Plato "Feast": A new reconstruction and some allusions in philosophy and culture]. Moscow: LENAND, 2015. 200 pp. (In Russian)
- Rozin, V. M. *Ezotericheskiy mir. Semantika sakral'nogo teksta* [The esoteric world. The semantics of the sacred text]. Ed. 2. Moscow: Editorial URSS, 2011. 320 pp. (In Russian)
- Rozin, V. M. *Tri mirooshchushcheniya i puti zhizni. Filosofskoe osmyslenie religii, ezoteriki i ratsionalizma* [Three attitude and way of life. Philosophical understanding of religion, spirituality and rationality]. Yoshkar-Ola: PGU, 2013. 324 pp. (In Russian)
- Ruhnau, H. "The deconstruction of time and the emergence of temporality", in: H. Atmanspacher, E. Ruhnau (eds.). *Time, Temporality, Now. Experiencing Time and Concept of Time in an Interdisciplinary Perspective*. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 1997. pp. 35–45.
- Smirnov S. A. (ed.) *Novye identichnosti cheloveka. Analiz i prognoz antropologicheskikh trendov. Antropologicheskii forsayt. Analiticheskii doklad* [The new identity of man. Analysis and forecast of anthropological trends. Anthropological foresight. Analytical report]. Novosibirsk: NGUJeU, 2013, pp. 216–241. (In Russian)

Theophane the Recluse. *Chto est' dukhovnaya zhizn' i kak na nee nastroit'sya* [The spiritual life and how to be attuned to it]. St. Petersburg: Sibirskaya blagozvonitsa, 1991. 288 pp. (In Russian)

Vrobel, S. Temporal Observer Perspectives, in: *SCTPLS Newsletter*, vol. 14, no. 1. *Society for Chaos Theory in Psychology & Life Sciences*, October 2006. 14 pp.

Zenkovskiy, V. V. *Khristianskaya filosofiya* [Christian philosophy]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010. 1072 pp. (In Russian)